

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ ФЁДОРОВ

Воспоминания ветерана

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Л. А. ШЕСТАКОВА

Иван Яковлевич Фёдоров
Воспоминания ветерана. Под
редакцией Л. А. Шестакова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51618334
ISBN 9785449840660

Аннотация

Если бы нашёлся волшебник и сказал мне: «Давай я тебе верну твои молодые годы, и давай – живи сначала!» – я бы его предложение отверг и с ним не согласился. И. Я. Фёдоров

Содержание

Предисловие Леонида Шестакова	5
Предисловие Анатолия Шестакова	7
Воспоминания ветерана	10
1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Воспоминания ветерана
Под редакцией
Л. А. Шестакова

Иван Яковлевич Фёдоров

© Иван Яковлевич Фёдоров, 2020

ISBN 978-5-4498-4066-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие Леонида Шестакова

Мой дед – Иван Яковлевич Фёдоров, – о войне рассказывать не любил, хотя и сожалел о том, что был недостаточно грамотным, часто повторяя: «Любой человек, прошедший войну – это, в основном, история нашей Родины...»

Дед скончался, когда мне едва исполнилось восемнадцать. После смерти от него остались документы, ордена, медали и... полностью исписанная общая тетрадь воспоминаний, чему я немало удивился. Редкие, отрывочные рассказы деда нашли свое хронологическое отражение в письменном виде и походили на черно-белую мозаику, фрагменты которой постепенно сложились в картину.

И позже, изучая, перепечатывая и выправляя по ходу дела его воспоминания, написанные самобытным деревенским языком, я узнал, что, еще в начале 90-х, описать свою войну деда попросил мой отец. А взамен пообещал, что его Правду узнают повзрослевшие внуки и правнуки...

Это было правильно. О Великой Отечественной войне молчать никак нельзя! Настоящую историю самого страшного периода XX века в полной и правдивой мере могут сформировать не сухие учебники и справочники, а конкретные воспоминания тех людей, кто лично прошел все это...

Дед был призван в Красную армию после освобождения из немецкой оккупации и в 43-м году, еще мальчишкой, по-

пал на фронт. К счастью, ему удалось там выжить, и воспоминания об этом спустя несколько десятков лет были записаны в толстую общую тетрадь.

Однако стоит сказать, что записи деда все же были опубликованы в десяти номерах центральной газеты города Корсаков (Сахалинская область) к 61-й годовщине Великой Отечественной войны. Редактор тогда решил оставить язык деда, которым были написаны его воспоминания, и, на мой взгляд, газета от этого проиграла, так как публикация вызвала споры и ряд ненужных вопросов, которые вряд ли достойны памяти ветерана.

Я же взял на себя смелость придать воспоминаниям другую, более лаконичную форму, не меняя при этом конкретного содержания. И надеюсь, что поступил так, как мой дед, Иван Яковлевич Фёдоров, и хотел при жизни...

Предисловие Анатолия Шестакова

Иван Яковлевич нечасто рассказывал о войне. Он не любил вспоминать о ней. Говорил, что ему мало довелось повоевать, так как был совсем молодым пацаном, когда его призвали в армию. Правда, на День Победы, на семейном застолье, когда собиралась вся его многочисленная семья, в том числе и мы, его зятя, он рассказывал о своём детстве, и немного о войне.

С годами семейство деда разрасталось. Жизнь деда была полна забот и хлопот. Как на дрожжах росли многочисленные внуки. Чуть позднее появились и внучки. Дед говорил, что он самый счастливый человек. И всегда добавлял, что мечтает дожить до правнуков...

Однажды мы с ним разговорились о войне, и он рассказал мне о своём детстве, которое было отнюдь не лёгким и безоблачным, а тяжёлым и голодным, со страшными картинами немецкой оккупации, об их издевательствах, которые ему пришлось испытать в оккупации. Он с гневом рассказывал о предателях Родины. Рассказал, как после освобождения из немецкой оккупации он, ещё совсем мальчишка, был призван в Красную армию и пошёл воевать на фронт. К счастью, ему удалось выжить в этой войне.

А вот на Дальнем Востоке он не успел повоевать. Войну там закончили без него. Служил на Курильских островах,

а после службы обосновался на Сахалине.

Помню, что Иван Яковлевич был очень удивлён, когда я попросил написать его о войне. Я ему сказал тогда: «Пусть об этом узнают твои внуки и правнуки. Нельзя молчать о Войне, которую ты выиграл. Потому что это – хуже любого поражения. Напиши свою правду. А мы будем помнить».

После смерти деда я узнал, что он написал свою «исповедь о прожитых годах».

Так это было...

Иван Яковлевич Фёдоров

Воспоминания ветерана

Одно сожалею, что я неграмотный, а ведь любой человек, прошедший войну – это, в основном, история нашей Родины».

Если бы нашёлся волшебник и сказал мне: «Давай я тебе верну твои молодые годы, и давай – живи сначала!» – я бы его предложение отверг и с ним не согласился.

И. Я Фёдоров

Я, Иван Яковлевич Фёдоров, родился 14 октября¹ 1926 на Украине, в селе Щуцкий, Доманевского района, Николаевской области.

У моих родителей был надел, и они производили хлеб, выращенный своим трудом. Труд хлебороба – это труд счастья, самый что ни на есть благородный труд. И за этот труд им никто не платил, им платила урожаем сама земля. Также у моего отца было крепкое середняцкое хозяйство: четыре лошади, две коровы и пара быков.

Но даже в то время среди простого народа-труженика были очень хитрые людишки-лодыри. Я помню – рядом с нашим был надел такого вот верткого маленького человечка по фамилии Онищенко. Лодырь из лодырей! Он тоже выезжал на свое поле и тоже пахал, но пахал только до тех пор, пока не начинало пригревать солнце. А потом он забирался под телегу и спал до самого заката. И так всю жизнь жил этот человек. У Онищенко коровенка утопала в грязи, да пара кляч подвязывалась к весне, потому что кушать нечего было ни животным, ни ему самому.

¹ В военном билете деда указана другая дата его рождения – 14 декабря. Но по свидетельству рождения, которое позже нашла его жена Лидия Алексеевна Федорова, стоит дата, названная дедом в своих воспоминаниях, то есть, верная. Однако расхождение с военным билетом так и осталось. (*Примечание Л. Шестакова*).

Но жили в нашем селе и настоящие труженики. Например, Фёдор Щуцкий. У него было много лошадей, скотина, хороший сельскохозяйственный инвентарь: молотилка, самоскидка, жатки, плуги. Такое могли иметь только люди зажиточные, у которых в то время были деньги. Трудился Фёдор только своей большой трудовой семьей, не имея наемных рабочих, и за труд ему платила земля. Говорили, что по фамилии его рода наше село Щуцкий и получило свое название...

Шли годы, крестьянин трудился

И вот неожиданно среди народа стало ходить непонятное слово «коллективизация».

Коллективизация не пришла к нам сразу, она накатывалась на деревню издалека: из-под Москвы, из-за Волги и Дона. Накатывалась мощным валом, разрушающим все на своем пути...

Конец 1932 и начало 1933 года. Коллективизация доказалась и до нас. Началась агитация о колхозе. За Щуцким пришли сразу и забрали как врага народа. О его дальнейшей судьбе мы ничего не знали. Тогда это было самое чуждое, самое жестокое: честного труженика поставили врагом, а лодырь вышел как спаситель Родины, как кем-то обиженное существо. И тот же Онищенко первым написал заявление в колхоз. А что ему было терять? Кляч не жалко, корову не успел до колхоза довести – околела. И он стал в нашей деревне первым человеком, первым агитатором. И его (когда пришла директива из района) избрали головою, предсе-

дателем колхоза. Это было самое нелепое, что можно только придумать – поставить лодыря над всеми. Я прекрасно помню, как Онищенко приходил к нам и агитировал моего отца, чтобы он вступил в колхоз, помню его слова, обращенные к отцу: «Не забывай, Яков, что ты середняк, а то можешь попасть в кулаки!» А что оставалось отцу делать? Пришлось ему написать заявление о вступлении в колхоз. И вот тогда началось самое жуткое. В общий коллектив были угнаны лошади, быки, коровы, свиньи, овцы, куры, утки – все живое во дворах. Вывезено сено, солома, полова – все, что было приготовлено для кормления скота. Выгреблено из закромов все съестное: пшеница, просо, подсолнечник...

И наступило на Украине самое страшное – голод. Голод нельзя описать. О голоде может судить только тот человек, который его испытал...

Произошло так, что часть сена и соломы было подожжено. Начался мор лошадей и скота. Часть скота раздали людям обратно, но кормить-то его было нечем. Благодаря людскому трудолюбию часть коров кое-как выходили, но передохли лошади, и начали этих коров запрягать в плуги. Пахать-то надо, а много ли на них напашешь? Сеять было нечем, да и не на ком: тягловой единицы как таковой не было. Поля опустели и заросли бурьяном, лебедой, сурепкой и чертополохом.

1933 на зиму 1934 года стал годом смерти миллионов людей, ни в чем неповинных. Это были жуткие месяцы в моей

еще неокрепшей памяти.

Бывало, идет по улице долго голодавший, толстый от отеков человек. Он и двигаться уже не может – падает и погибает.

Говорят, что продукты были в магазинах, но в нашем селе отсутствовали торговые точки. Как и за что мог колхозник купить, если у него нет денег – главного источника для приобретения продуктов и промышленных товаров? Оплатой для колхозника был трудодень. Рабочему на производстве за выработанную норму выплачивалась определенная сумма денег. Колхознику – определенное количество трудодней. За деньги можно было купить все, за трудодни – ничего. Да и трудодень оплачивался в конце года, смотря по доходу колхоза. Бывало, что колхознику на трудодни не взвешивали пшеницу, муку или семечки, а мерили стаканами и выдавали несколько копеек – смотря по годовому доходу. Словом, какая организация труда от председателя (головы) колхоза, таков и доход колхозника. А наш председатель все время только и делал, что по кустам спал.

Но самое кошунственное – погибал человек, который во время НЭПа кормил себя, Россию, Европу. Погибал великий хлебороб. И до этой гибели никому не было дела. Люди уходили в неизвестность, не имея при себе никаких документов. Вообще, у колхозника не было самого главного документа – паспорта. В нашем селе на тот период существовал беспаспортный режим...

Вторым бедствием в то время были антисанитария и вши. Следовательно – тиф, который косил людей еще страшнее голода.

А третье бедствие – засуха в 1933 году. Я помню: с весны до самого лета не выпало ни единой капли дождя. Солнце выходило красным кругом и катилось по небу без единого облака. Выгорела трава, сады засохли и стояли без листьев. В период засухи на Украине дует юго-восточный ветер. Его у нас называют «калмык». Он иссушает все на своем пути. Река Южный Буг в нашем районе пересохла до такого состояния, что ее переходили пешком.

К зиме 1933 года оказалось съедено все. Урожай не сеяли – сеять было нечего, да и не на чем...

Я помню жуткий день, который врезался мне в память на всю жизнь. За трудодни давали макуху – жмых после приготовления подсолнечного масла. Отец получил пять кругов, мать и брат – по четыре с половиной. Поставили их на стол. Отец говорит матери: «Это твоя оплата». Мать стояла в каком-то оцепенении, а мы сидели кто где, молча. И вдруг у матери вырвался какой-то гортанный звук. Это был крик отчаяния, крик души человека, понявшего, что смерть от голода уже стояла на пороге. Она еще не зашла в хаты нашей деревни, но уже витала над нами. Все, что было у нас из одежды, было променяно на продукты за все время с начала коллективизации. Мы – дети, да и родители тоже – остались полуголыми.

Наступила зима с 1933 на 1934 год. Люди ходили, как те-ни, собирались какими-то кучками, и был только один разгово-вор – о пище. И у нас, детей, тоже. У некоторых молодых лю-дей начали проявляться признаки отеков, опухоли. Появи-лись умершие. Смерть начала уверенно заходить в хаты на-шей деревни.

И вдруг – надежда! Примерно в конце декабря появляются слухи, что будут давать ссуду. И правда – приезжает пред-ставитель из района и говорит, чтобы выслали людей на стан-цию Трикраты для получения продуктов. Человек двадцать сходили и принесли на себе кукурузу. Да, это была пища, это было спасение от смерти. Потом привезли лошадей, се-на, овса. Привезли горох, сою, немного пшеницы. В общем, выдали колхознику ссуду в счет будущего урожая. В конце зимы прибыли два трактора, и весну 1934 года мы встрети-ли в поле. Начался упорный труд, началась настоящая битва за урожай. Люди трудились день и ночь. Все нужно было де-лать с самого начала, нужно было пахать целину, ведь за два года земля заросла и стала целиной.

Появилось выступление Сталина. Он говорил, что все в 1932 и 1933 годах произошло по вине врагов народа. Ходи-ли слухи – в райкоме и в обкоме арестовали много людей...

В 1935 году в нашем селе открылась школа. И вместо восьми лет (в то время в первый класс принимали с этого возраста) я пошел в первый класс в девять.

К зиме 1934 года был собран небольшой, но все же уро-

жай, при этом непаханных полей оставалось еще очень много. Но это было настоящее счастье – мы кушали хлеб, выращенный своими руками. Так же к началу этого года у нас избрали нового и толкового председателя колхоза – Лященко, который был умным человеком, знающим свое дело. Настоящий хлебороб своего времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.